

Серия «Из тьмы»

Говард Филлипс Лавкрафт

СИЯНИЕ ИЗВНЕ



Ростов-на-Дону
«Феникс»
2022

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7)-31
КТК 654
Л13

Иллюстрации Ивана Иванова

Лавкрафт, Говард Филлипс.
Л13 Сияние извне / Говард Филлипс Лавкрафт. — Ростов
н/Д : Феникс, 2022. — 253, [2] с. : ил. — (Из тьмы).

ISBN 978-5-222-36778-0

Самые захватывающие произведения, входящие в «золотой фонд» мировой литературы ужасов. Любители пощекотать себе нервы не должны проходить мимо этой серии! На страницах книг оживут самые страшные ночные кошмары, от древних богов Лавкрафта до ведьм Гоголя. Читатель прикаснётся к древним оккультным тайнам, посетит ужасные и таинственные миры, созданные фантазией великих писателей. Не читайте эти книги на ночь!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7)-31

ISBN 978-5-222-36778-0

- © Оформление: ООО «Феникс», 2021
- © Иллюстрации: Иванов И., 2019
- © В оформлении обложки
использованы иллюстрации
по лицензии Shutterstock.com



СИЯНИЕ ИЗВНЕ

К западу от Аркхема высятся угрюмые кручи, перемежающиеся лесистыми долинами, в чьи непролазные дебри не доводилось забираться ни одному дровосеку. Там встречаются узкие лощины, поросшие деревьями с причудливо изогнутыми стволами и столь густыми кронами, что ни одному лучу солнца не удастся пробиться сквозь их своды и поиграть на поверхности сонно журчащих ручьев. По отлогим каменистым склонам холмов разбросаны древние фермерские угодья, чьи приземистые, замшелые строения скрывают в своих стенах вековые секреты Новой Англии. Там повсюду царит запустение — массивные дымоходы разрушены временем, а панелированные стены опасно заваливаются под тяжестью низких двускатных крыш.

Местные жители давно покинули эти места, да и вновь прибывающие переселенцы предпочитают здесь не задерживаться. В разное время сюда наезжали франкоканадцы,

итальянцы и поляки, но очень скоро все они собирались и следовали дальше. И вовсе не потому, что обнаруживали какие-либо явные недостатки — нет, ничего такого, что можно было бы увидеть, услышать или пощупать руками, здесь не водилось, — просто само место действовало им на нервы, рождая в воображении странные фантазии и не давая заснуть по ночам. Это, пожалуй, единственная причина, по которой чужаки не селятся здесь: ибо доподлинно известно, что никому из них старый Эмми Пирс и словом не обмолвился о том, что хранит его память об «окаянных днях». Эмми, которого в здешних краях уже давно считают немного повредившимся в уме, остался единственным, кто не захотел покинуть насиженное место и уехать в город. И еще, во всей округе только он один осмеливается рассказывать об «окаянных днях», да и то потому, что сразу же за его домом начинается поле, по которому можно очень быстро добраться до всегда оживленной дороги, ведущей в Аркхем.

Некогда дорога проходила по холмам и долинам прямоком через Испепеленную пустошь, но после того, как люди отказались ездить по ней, было проложено новое шоссе, огибающее местность с юга. Однако следы старой дороги все еще можно различить среди густой поросли наступающего на нее леса, и, без сомнения, кое-какие ее приметы сохранятся даже после того, как большая часть низины будет затоплена под новое водохранилище. Когда это случится, вековые леса падут под ударами топоров, а Испепеленная пустошь навсегда скроется под толщей воды, на поверхности которой будет отражаться безмятежное голубое небо и поигрывать бликами солнце. И тогда тайна «окаянных дней» станет всего лишь еще одной непостижимой тайной водных пучин, еще одним сокрытым на века секретом древнего океана,

еще одной недоступной человеческому пониманию загадкой древней планеты.

Когда я только собирался отправиться к этим холмам и долинам на разметку нового водохранилища, меня предупредили, что место это «нечистое». Дело было в Аркхеме — старинном и, пожалуй, одном из немногих оставшихся городков, где легенды о нечистой силе дожили до наших дней, и я воспринял предупреждение как часть обязательных страшных историй, которыми седовласые старушки испокон веков пичкают своих внуков на ночь. Само же название «Испепеленная пустошь» показалось мне чересчур вычурным и аффектированным, и я, помнится, еще удивлялся, откуда вся эта сверхъестественная чушь могла просочиться в предания потомков благочестивых пуритан. Однако после того, как я собственными глазами увидел эту невообразимую мешанину темных ущелий и обрывистых склонов, я перестал удивляться чему-либо, кроме загадочной природы катаклизма, ее породившего. Когда я добрался туда, было ясное раннее утро, но стоило мне ступить под мрачные своды ущелий, как я оказался в вечном полумраке. Для типичных лесов Новой Англии деревья росли здесь слишком часто, а стволы их были чересчур толсты. Да и мертвая тишина, царившая в узких проходах, была чересчур мертвой, и слишком уж много сырости таил в себе настил из осклизлого мха и древнего перегноя.

На открытых местах, большей частью вдоль старой дороги, мне попадались маленькие фермы, притулившиеся к склонам холмов. На некоторых из них все постройки были в сохранности, на иных — только одна или две, но встречались и такие, где среди развалин возвышалась лишь одинокая печная труба или темнел разверстый зев полузасыпанного мусором погреба. Повсюду властвовали сорняки и колючки, в зарослях которых при моем появлении начиналась

беспокойная возня неведомых лесных тварей. На всем, что меня окружало, лежала печать тревоги и смертной тоски, некая вуаль нереальности и гротеска, как если бы с привычной с детства картины вдруг пропал жизненно важный элемент перспективы или светотени. Теперь я уже не удивлялся тому, что переселенцы не захотели обосновываться в этих местах, ибо вряд ли нашелся бы хоть один человек, который согласился бы остаться здесь на ночь. Слишком уж походил этот пейзаж на картины Сальватора Розы, слишком уж сильно напоминал он нечестивые гравюры из забытых колдовских книг.

Но все это не шло ни в какое сравнение с Испепеленной пустошью. Как только я наткнулся на нее посреди очередной долины, я тотчас же понял, что это она и есть, ибо ни одно другое название не могло бы столь верно передать своеобразие этого места, как, впрочем, и ни одно другое место на земле не могло бы столь точно соответствовать этому названию. Это определение казалось рожденным в голове неведомого поэта после того, как он побывал в данной географической точке необъятного материка. На первый взгляд, пустошь представляла собой обычную проплешину, какие остаются в результате лесного пожара, — но почему же, вопрошал я себя, на этих пяти акрах серого безмолвия, въевшегося в окрестные леса и луга наподобие того, как капля кислоты въедается в бумагу, с тех пор не выросло ни одной зеленой былинки? Большая часть пустоши лежала к северу от старой дороги, и только самый ее краешек переползал за южную обочину. Когда я подумал о том, что мне придется пересекать это неживое пепельное пятно, я почувствовал, что все мое существо необъяснимым образом противится этому. И только чувство долга и ответственность за возложенное поручение заставили меня наконец двинуться дальше. На всем протяжении моего пути через пустошь я не встретил ни

малейших признаков растительности. Повсюду, насколько хватало глаз, недвижимо, не колышима ни единым дуновением ветра, лежала мельчайшая серая пыль или, если угодно, пепел. В непосредственной близости от пустоши деревья имели странный, нездоровый вид, а по самому краю выжженного пятна стояло и лежало немало мертвых гниющих стволов. Как ни ускорял я шаг, я все же успел заметить справа от себя груды потемневших кирпичей и булыжника, высившуюся на месте обвалившегося дымохода, и еще одну такую же кучу там, где раньше, по всей видимости, стоял погреб. Немного поодаль зиял черный провал колодца, из недр которого вздымались зловонные испарения и окрашивали проходящие сквозь них солнечные лучи в странные, неземные тона. После пустоши даже долгий, изнурительный подъем под темными сводами чащобы показался мне приятным и освежающим, и я больше не удивлялся тому, что, стоит только разговору зайти об этих местах, жители Аркхема переходят на испуганный шепот. Я не смог различить поблизости ни одного строения или хотя бы развалин: похоже, что и в старые времена здесь редко бывали люди. В наступивших сумерках никакая сила не смогла бы подвигнуть меня на возвращение прежним путем, а потому я добрался до города по более долгой, но зато достаточно удаленной от пустоши южной дороге. Все время, пока я шагал по ней, мне смутно хотелось, чтобы налетевшие вдруг облака закрыли собой неисчислимые звездные бездны, нависшие над моею головой и рождавшие в глубине души первобытный страх.

Вечером я принялся расспрашивать местных старожил об Испепеленной пустоши и о том, что означала фраза «ока-янные дни», которую они так часто повторяли в своих уклончивых ответах. Как и раньше, мне не удалось ничего толком разузнать, кроме, пожалуй, того, что загадочное происшествие, возбудившее мое любопытство, случилось гораздо

позднее, чем я предполагал, и было не очередной выдумкой, испокон веков передающейся из поколения в поколение, но совершенно реальным событием, многочисленные свидетели которого и по сию пору находятся в добром здравии. Я выяснил, что дело происходило в восьмидесятих годах прошлого столетия и что тогда была убита или бесследно пропала одна местная фермерская семья, но дальнейших подробностей мои собеседники не смогли, а может быть, и не пожелали мне сообщить. При этом все они, словно сговорившись, убеждали меня не обращать внимания на полоумные рассказы старого Эмми Пирса. Это поразительное единодушие как раз и послужило причиной тому, что на следующее утро, порасспросив дорогу у случайных прохожих, я стоял у дверей полуразвалившегося коттеджа, в котором на самом краю леса, там, где начинают попадаться первые деревья с уродливо толстыми стволами, в полном одиночестве обитал местный юридивый. Это было невероятно древнее строение, от которого уже начинал исходить тот особый запах, который имеют обыкновение издавать дома, простоявшие на земле чересчур долго. Пришлось изрядно поколотить в дверь, прежде чем старик поднялся открыть мне, и по тому, как медлительна была его шаркающая походка, я понял, что он далеко не обрадован моему посещению. Он оказался не такой развалиной, как я его себе представлял, однако потухшие, опущенные долу глаза, неряшливое платье и всклокоченная седая борода придавали ему довольно изнуренный и подавленный вид.

Не зная, как лучше подступиться к старику, я притворился, что мой визит носит чисто деловой характер, и принялся рассказывать о цели своих изысканий, попутно вставляя вопросы, касающиеся характера местности. Мое невысокое мнение о его умственных способностях, сложившееся из разговоров с городскими обывателями, также оказалось

неверным — он был достаточно сметлив и образован для того, чтобы мгновенно уяснить себе суть дела не хуже любого другого арххемица. Однако он вовсе не походил на обычного среднестатистического фермера, каких я немало встречал в районах, предназначенных под затопление. Во всяком случае, я не услышал от него ни одного протеста по поводу уничтожения переросших лесов и запущенных угодий, хотя, возможно, он отнесся к этому так спокойно лишь потому, что его собственный дом находился вне границ будущего озера. Единственным чувством, отразившимся на его лице, было чувство облегчения, как будто он только и желал, чтобы мрачные вековые долины, по которым ему довелось бродить всю свою жизнь, исчезли навсегда. Конечно, их лучше затопить, мистер, а еще лучше — если бы их затопили тогда, сразу же после «окаянных дней». И вот тут-то, после этого неожиданного вступления, он понизил голос до доверительного хриплого шепота, подался корпусом вперед и, выразительно покачивая дрожащим указательным пальцем правой руки, начал свой рассказ.

Я безмолвно слушал, и по мере того, как его дребезжащий голос все больше завладевал моим сознанием, ощущал, как, несмотря на теплый летний день, по моему телу все чаще пробегает невольный озноб. Не раз мне приходилось помогать рассказчику находить потерянную нить повествования, связывать воедино обрывки научных постулатов, подхваченных им из разговоров проезжих профессоров, или же преодолевать иные запутанные места, в которых ему изменяло чувство логики и последовательности событий. Когда старик закончил, я более не удивлялся ни тому, что он слегка тронулся умом, ни тому, что жители Арххеми избегают говорить об Испепеленной пустоши. Не желая снова очутиться один на один со звездами, я поспешил вернуться в гостиницу до захода солнца, а на следующий день уже возвращался в

Бостон сдавать свои полномочия. Я не мог заставить себя еще раз приблизиться к этому мрачному хаосу чащоб и крутых склонов или хотя бы взглянуть в сторону серого пятна Испепеленной пустоши, посреди которой, рядом с грудой битого кирпича и булыжника, чернел бездонный зев колодца. Теперь уже недалек тот день, когда водохранилище будет построено, и несколько саженей воды надежно упрячут под собою всю эту стародавнюю жуть. Однако я отнюдь не уверен, что даже после того, как это произойдет, я когда-либо отважусь проезжать по тем местам ночью — и уж ничто на свете не заставит меня испить хотя бы глоток воды из нового аркхемского водопровода.

По словам Эмми, все началось с метеорита. До той поры по всей округе невозможно было сыскать и одного страшного предания — все они повывелись после прекращения ведьмовских процессов, но даже в те глухие времена, когда охота на ведьм шла в полную силу, прилегающие к Аркхему западные леса не таили в себе и десятой доли того ужаса, каким люди наделили, например, небольшой островок посреди Мискатоника, где у причудливой формы каменного алтаря, установленного там задолго до появления на материке первых индейцев, сатана имел обыкновение устраивать свои приемы. Здешние же леса нечистые духи обходили стороной, и до наступления «окаянных дней» в их таинственном полумраке не скрывалось ничего зловещего. А потом появилось это белое полуденное облако, эта цепочка разрывов по всему небу и, наконец, этот огромный столб дыма, выросший над затерянной в дебрях леса ложиной. К вечеру того дня всему Аркхему стало известно: порядочных размеров скала свалилась с неба и угодила прямо во двор Наума Гарднера, где и упокоилась в огромной воронке рядом с колодцем. Дом Наума стоял на том самом месте, где позднее суждено было появиться Испепеленной пустоши. Это был на

редкость опрятный, чистенький домик, и стоял он посреди цветущих садов и полей.

Наум поехал в город рассказать тамошним жителям о метеорите, а по дороге завернул к Эмми Пирсу. Эмми тогда было сорок лет, голова у него работала не в пример лучше, чем сейчас, и потому все последовавшие события накрепко врезались ему в память. На следующее утро Эмми и его жена вместе с тремя профессорами Мискатоникского университета, поспешившими собственными глазами узреть пришельца из неизведанных глубин межзвездного пространства, отправились к месту падения метеорита. По прибытии их прежде всего удивил тот факт, что размеры болида оказались не такими громадными, как им за день до того обрисовал хозяин фермы. «Он съежился», — объяснил Наум, указывая на довольно высокий буроватый холмик, возвышавшийся посреди неровного пятна искореженной почвы и обуглившейся травы рядом с колодцем, однако ученые мужи тут же возразили, что метеориты «съеживаться» не могут. Наум добавил еще, что жар, исходящий от раскаленной глыбы, не спадает с течением времени и что по ночам от нее исходит слабое сияние. Профессора потыкали болид киркой и обнаружили, что он на удивление мягок. Он действительно оказался мягким, как глина или как смола, и потому небольшой кусочек, который ученые мужи унесли в университет для анализа, им пришлось скорее отщипывать, нежели отламывать от основной глыбы. Им также пришлось поместить образец в старую бадью, позаимствованную на кухне у Наума, ибо даже столь малая частичка метеорита упрямо отказывалась охлаждаться на воздухе. На обратном пути они остановились передохнуть у Эмми, и тут-то миссис Пирс изрядно озадачила их, заметив, что кусочек метеорита за это время значительно уменьшился в размерах, да к тому же еще почти наполовину прожег дно гарднеровской бадьи.

Впрочем, он и с самого начала был не очень велик, и, может быть, тогда им только показалось, что они взяли больше.

На следующий день — а было это в июне восемьдесят второго — сверх меры возбужденные профессора опять всей гурьбой нагрянули на ферму Гарднеров. Проходя мимо дома Эмми, они ненадолго задержались, чтобы рассказать ему о необыкновенных вещах, которые выделял принесенный ими накануне образец, прежде чем исчезнуть без следа вместе со стеклянной мензуркой, в которую его поместили. По сему поводу университетские умники долго покачивали головами, рассуждая о странном средстве ядра метеорита с кремнием. И вообще, в их образцовой исследовательской лаборатории анализируемый материал повел себя неподобающим образом: термическая обработка древесным углем не произвела на него никакого воздействия и не выявила никаких следов поглощенных газов, бура дала отрицательную реакцию, а нагревание при самых высоких температурах, включая и те, что получаются при работе с кислородно-водородной горелкой, выявило лишь его полную и безусловную неспособность к испарению. На наковальне он только подтвердил свою податливость, а в затемненной камере — люминесцентность. Его нежелание остывать окончательно взбудоражило весь технологический колледж, а после того, как спектроскопия показала наличие световых полос, не имеющих ничего общего с полосами обычного спектра, среди ученых только и было разговоров, что о новых элементах, непредсказуемых оптических свойствах и прочих вещах, которые обыкновенно изрекают ученые мужи, столкнувшись с неразрешимой загадкой.

Несмотря на то, что образец сам по себе напоминал сгусток огня, они пытались расплавить его в тигле со всеми известными реагентами. Вода не дала никаких результатов. Азотная кислота и даже царская водка лишь яростно шипели

и разлетались мелкими брызгами, соприкоснувшись с его раскаленной поверхностью. Эмми с трудом припоминал все эти мудреные названия, но когда я начал перечислять ему некоторые растворители, обычно применяемые в такого рода процедурах, он согласно кивал головой. Да, они пробовали и аммиак, и едкий натр, и спирт, и эфир, и вонючий дисульфид углерода, и еще дюжину других средств, но, хотя образец начал понемногу остывать и уменьшаться в размерах, в составе растворителей не было обнаружено никаких изменений, указывающих на то, что они вообще вошли в соприкосновение с исследуемым материалом. Однако, вне всякого сомнения, вещество это было металлом. Прежде всего потому, что оно выказывало магнетические свойства, а кроме того, после погружения в кислотные растворители ученым удалось уловить слабые следы видманштеттовых фигур, обычно получаемых при работе с металлами метеоритного происхождения. После того, как образец уже значительно поостыл, опыты были продолжены в стеклянных ретортах, в одной из которых и были оставлены на ночь образцы, полученные в ходе работы из исходного куска. На следующее утро все они исчезли вместе с ретортой, оставив после себя обугленное пятно на деревянном стеллаже, куда накануне вечером их поместил лаборант.

Все это профессора поведали Эмми, остановившись ненадолго у дверей его дома, и дело кончилось тем, что он опять, на этот раз без жены, отправился с ними поглазеть на таинственного посланника звезд. За два прошедших дня метеорит «съежился» настолько заметно, что даже не верящие ни во что профессора не смогли отрицать очевидность того, что лежало у них перед глазами. За исключением нескольких осыпаний почвы, между краями воронки и сжимающейся бурой глыбой теперь было изрядное количество пустого места, да и ширина самой глыбы, равнявшаяся накануне семи футам,

теперь едва ли достигала пяти. Она все еще была невыносимо горяча, и потому городским мудрецам пришлось соблюдать максимальную осторожность, исследуя ее поверхность и — при помощи молотка и стамески — отделяя от нее еще один довольно крупный кусок. На этот раз они копнули глубже и при извлечении своей добычи обнаружили, что ядро метеорита было не столь однородным, как они полагали вначале.

Взору их открылось нечто, напоминавшее боковую поверхность сверкающей глобулы, наподобие икринки, засевшей в основной массе болида. Цвет глобулы, отчасти схожий с некоторыми полосами странного спектра, полученного учеными накануне, невозможно было определить словами, да и цветом-то его можно было назвать лишь с большой натяжкой — настолько мало общего имел он с земной цветовой палитрой. Легкое пробное постукивание по лоснящемуся телу глобулы выявило, с одной стороны, хрупкость ее стенок, а с другой — ее полую природу. Потом один из профессоров врезал по ней как следует молотком, и она лопнула с тонким неприятным звуком, напоминающим хлопанье. Однако более ничего не произошло: разбитая глобула не только не выпустила из себя никакого содержимого, но и сама моментально исчезла, оставив после себя лишь сферическое, в три дюйма шириной, углубление в метеоритной породе да надежду на обнаружение других подобных глобул в головах ученых мужей.

Надежда эта оказалась напрасной, и после нескольких неудачных попыток пробурить раскаленный болид в поисках новых глобул в руках неутомимых исследователей остался лишь образец, который им удалось извлечь нынешним утром и который, как выяснилось позднее, в лабораторных условиях повел себя ничуть не лучше своего предшественника. Кроме уже известной пластичности, энергоемкости, магнетизма,

способности светиться в темноте, немного охлаждаться в концентрированных кислотах и неизвестно куда улечиваться в воздушной среде, а также уникального спектра и предрасположенности к бурному взаимодействию с кремнием, результатом которого являлось взаимное уничтожение обоих реагентов, исследуемое вещество не выказало ровным счетом никаких индивидуальных свойств. В конце концов, исчерпав все существующие методы анализа, университетские ученые вынуждены были признать, что в их обширном хранилище знаний для него просто не существует подходящей полки. Метеорит явно не имел ничего общего с нашей планетой — он был плоть от плоти неведомого космического пространства и, как таковой, был наделен его неведомыми свойствами и подчинялся его неведомым законам.

Той ночью разразилась гроза, а когда на следующее утро профессора опять появились на ферме Наума, их ожидало горькое разочарование. Обладая ярко выраженным магнетизмом, метеорит, очевидно, таил в себе некие неизвестные электростатические свойства, ибо, согласно свидетельству Наума, во время грозы «он притягивал к себе все молнии подряд». Ему довелось наблюдать, как в течение часа молния шесть раз ударяла в невысокий бугорок посреди его двора, а когда гроза миновала, от пришельца со звезд не осталось ничего, кроме наполовину засыпанной оползнем ямы рядом с колодцем. Раскопки не принесли никакого результата, и ученые были вынуждены констатировать факт полного исчезновения метеорита. Больше им тут делать было нечего, и они отправились назад в лабораторию продолжать свои опыты над неуклонно уменьшающимся в размерах образцом, который они на этот раз предусмотрительно запрятали в свинцовый контейнер. Этого последнего кусочка им хватило на неделю, по окончании которой они так и не узнали ничего ценного о его природе. Когда же образец наконец прогорел

окончательно, от него не осталось ни шлака, ни осадка, ни каких-либо иных следов его материального существования, и с течением времени профессора начали терять уверенность в том, что вообще видели этот загадочный обломок нависшей над нами необъятной бездны, этот необъяснимый знак, посланный нам из других галактик, где властвуют иные законы материи, энергии и бытия.

Вполне естественно, что аркхемские газеты, куда университетские мужи бросились помещать свои статьи о необычном феномене, устроили грандиозную шумиху по поводу метеорита и чуть ли не ежедневно посылали корреспондентов брать интервью у Наума Гарднера и членов его семьи. А после того, как у него побывал и репортер одной из бостонских ежедневных газет, Наум быстро начал становиться местной знаменитостью. Это был высокий, худой, добродушный мужчина пятидесяти лет от роду. Он имел жену и троих детей, и все они в добром согласии жили на небольшой, но по всем показателям образцовой ферме посреди долины. Наум и Эмми, как и их жены, частенько заглядывали друг к другу в гости, и за все годы знакомства Эмми не мог сказать о нем ничего, кроме самого хорошего. Наум, кажется, немного гордился известностью, которая нежданно-негаданно выпала на долю его фермы, и все последующие недели только и говорил что о метеорите. Между тем в июле и августе того года для фермеров выдались горячие деньки, и ему пришлось изрядно повозиться с заготовкой сена, от темна до темна курсируя на своей грохочущей телеге по лесным просекам, соединявшим ферму с пастбищем за Чепменовским ручьем. В этом году работа давалась ему не так легко, как прежде, и он с грустью замечал, что чувствует приближение старости.

А затем наступила осень. День ото дня наливались соком яблоки и груши, и торжествующий Наум клялся всякому

встречному, что никогда еще его сады не приносили столь роскошного урожая. Достигавшие невиданных размеров и крепости плоды уродились в таком поразительном изобилии, что Гарднерам пришлось заказать добавочную партию бочек для хранения и перевозки своего будущего богатства. Однако, когда пришло время собирать фрукты, Наума постигло ужасное разочарование, ибо среди неисчислимого множества этих, казалось бы, непревзойденных кандидатов на украшение любого стола не обнаружилось ни одного, который можно было бы взять в рот. К нежному вкусу плодов примешивались неизвестно откуда взявшиеся тошнотворная горечь и приторность, так что даже самый малейший надкус вызывал непреодолимое отвращение. То же самое творилось с помидорами и дынями, и вскоре упавший духом Наум вынужден был примириться с мыслью о том, что весь его нынешний урожай безвозвратно потерян. Будучи сообразительным малым, он тут же сопоставил это событие с недавним космическим феноменом и заявил, что это метеорит отравил его землю и что теперь ему остается только благодарить бога за то, что большая часть остальных посадок находилась на удаленном от дороги предгорье.

В том году зима пришла рано, и выдалась она на редкость суровой. Эмми теперь видел Наума не так часто, как прежде, но и нескольких коротких встреч ему хватило, чтобы понять, что его друг чем-то не на шутку встревожен. Да и остальные Гарднеры заметно изменились: они стали молчаливы и замкнуты, и с течением времени их все реже можно было встретить на воскресных службах и сельских праздниках. Причину внезапной меланхолии, поразившей доселе цветущее фермерское семейство, невозможно было объяснить, хотя временами то один, то другой из домашних Наума жаловался на ухудшающееся здоровье и расстроены нервы. Сам Наум выразился по этому поводу достаточно

Содержание

Сияние извне.	3
Сны в ведьмином доме	54
Сомнамбулический поиск неведомого Кадата	115



Иллюстрации Ивана Иванова

Литературно-художественное издание

16+

Говард Филлипс Лавкрафт

СИЯНИЕ ИЗВНЕ

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 09.2021. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в ЗАО «Белгородское торгово-промышленное предприятие»

Юр. адрес: 308007, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Некрасова, д. 11.
Факт. адрес: 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, д. 147 «А»